

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СОЧЕТАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ

Воскобитова Л.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье ставится вопрос о технологичности самой природы уголовно-процессуальной деятельности и показаны три технологии, имеющие место в реальной практике: правовая уголовно-процессуальная, социальная и цифровая технологии, которые как в отдельности, так и в их сочетании могут содействовать совершенствованию уголовного судопроизводства, но одновременно могут порождать определенные риски, если не будет учитываться их взаимосвязь и взаимовлияние, а также если не будет обеспечиваться их сочетание строго в рамках права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, технологии, уголовно-процессуальная технология, социальная технология, цифровая технология, цифровизация уголовного судопроизводства.

CRIMINAL JUSTICE AS A COMBINATION OF TECHNOLOGIES

Voskobitova L.A.

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Abstract. The article raises the question of the technological nature of criminal procedural activity itself and shows three technologies that take place in real practice: legal criminal procedural, social and digital technologies, which, both individually and in combination, can contribute to the improvement of criminal proceedings, but at the same time can generate certain risks if not taken into account. their interrelation and mutual influence, as well as if their combination is not ensured strictly within the framework of law.

Keywords: criminal justice, technology, criminal procedure technology, social technology, digital technology, digitalization of criminal proceedings.

Высокотехнологичное право как новое правовое понятие стало актуальным предметом исследования не только ради выявления его сути и теоретических характеристик, но еще и для определения возможностей последующего использования данной правовой категории и самого этого явления в прикладных исследованиях, связанных с процессом разработки и осуществления цифровизации правоприменительной деятельности, в частности уголовного судопроизводства. Правоприменительная деятельность, органически связанная и с пониманием материального права, и с правовым регулированием процедур его применения, отличается тем, что она сама по своей сути является особого рода «юридической технологией».

Сам термин «технология» нехарактерен для юридической науки, но это не означает, что сфера права только в процессе цифровизации наконец-то получает свою технологизацию. В. И. Пржиленский отмечает, что техника изменила мир, а технологии – это побочный продукт ее развития. Технология возникает тогда, когда в процессе развития техники человек смог мысленно отделить техническое устройство от процесса его использования. Он смог описать словами, как следует использовать техническое устройство и даже, как его изготовить. Технологии – это совокупность знаний и умений, фиксирующих путь или способ решения однотипных задач. Они обеспечивают возможность воспроизводить их и даже репродуцировать на подобные ситуации, чтобы получать однотипный результат [1]. Полагаем, что появление права урегулировало человеческие отношения, а юридическая технология обеспечивает осуществление всей жизни человека в разумных рамках и условиях, предписанных правом. На наш взгляд, технологичность права и правового регулирования до сих пор не получили должного внимания в юридической науке и практике. Между тем, и создание современного права, и его успешная реализация как регулятора правовых и иных социальных отношений имеют свои технологии. Даже привычное разделение права на материальное и процессуальное, разграничение норм на устанавливающие материально-правовую и процессуальную основу также подтверждает, что технологичность свойственна самой природе правового регулирования. В этом смысле и контексте, мы позволим себе здесь и далее использовать термин «юридические технологии».

Особенно четко юридические технологии проявляют себя при изучении форм реализации права: а) соблюдения, исполнения, использования, когда субъект реализует право своими собственными действиями (поведением) и б) применения права, когда требуется особым образом организованная, т. е. технологизированная, деятельность компетентных субъектов в социальном взаимодействии с иными субъектами и социумом в целом. Из всех форм реализации права именно правоприменение наиболее наглядно выявляет и определяет практический

механизм, составляющий юридическую технологию применения конкретной правовой нормы к единичной и уникальной в своем фактическом проявлении жизненной ситуации. Правоприменение задает юридически-технологические параметры такой деятельности, охватывая, как минимум, этапы правоприменения, их последовательность, содержание и порядок каждого из них [2, с. 332-349]. Невозможность начинать правоприменение сразу с принятия решения и необходимость совершить последовательно ряд действий для установления сначала фактической основы дела, затем юридической основы дела и только после прохождения этих этапов принимать правоприменительный акт и решать о возможности или невозможности применения правовой нормы к единичной жизненной ситуации – вот это и есть юридическая технология. Поэтому уголовное судопроизводство подчинено, прежде всего, той юридической технологии, которая обеспечивает понимание содержания и обязательной последовательности действий властных субъектов, осуществляющих этот вид правоприменения в процессе взаимодействия со всеми иными участниками процессуальной деятельности. Юридическая технология задает параметры уголовно-процессуальной деятельности через определение предмета и целеполагания на каждом из этапов ее осуществления: определения круга возможных субъектов и пределов их правомочий; предписания необходимых процессуальных действий, совершаемых в установленных процедурах; возможных видов решения, их оснований, порядка принятия и оформления. В самом законодательстве описывается что, в каком порядке, кем и когда должно быть осуществлено по каждому уголовному делу для его правильного разрешения. В теории современного уголовного судопроизводства вся технологичность этой деятельности традиционно разделяется на отдельные темы и аспекты. Например, отдельно и самостоятельно рассматриваются во всех учебниках задачи, целеполагание уголовного судопроизводства, его принципы, форма, субъекты, стадии, процедуры и пр. И все это достаточно глубоко исследовано, но только технологический подход позволяет объединить все эти элементы, показав их объективную и неразрывную связь, технологическую зависимость друг от друга. Если при сборке автомобиля какой-то винтик не был прикручен, все понимают, что машина может потерпеть аварию. Но такого глубокого понимания нет, когда мы обсуждаем или осуществляем правоприменительную деятельность и ее технологичность. В результате практика нередко допускает отдельные ошибки или даже сознательные нарушения закона, игнорируя системность предписаний, единство и технологичность ее природы.

Основная сложность понимания юридической технологии обусловлена тем, что законодательство состоит из отдельных правовых норм, каждая из которых содержит общее предписание, обусловленное повторяющимися закономерностями этого вида деятельности, что и

определяет обязательность юридической технологии. Однако каждое уголовное дело возникает по поводу единичного и уникального события преступления, имеющего свои индивидуальные особенности. Норма уголовного права в силу ст. 8 УК РФ может быть применена к нему лишь при установлении признаков состава преступления: каждого из них в их фактическом проявлении в данном конкретном деле и наличии их всех в совокупности в данном событии. Общая норма уголовно-процессуального права также должна применяться с учетом всех особенностей дела, но при этом учитывать еще и разнообразные социальные характеристики события, поведения, взаимодействия участников судопроизводства здесь и сейчас, т. е. в момент производства любого из процессуальных действий. Поэтому в уголовном судопроизводстве, как, впрочем, и в любой иной правоприменительной деятельности, юридическая технология с неизбежностью сталкивается с другими видами технологий, например, с технологиями социального поведения и взаимодействия субъектов, вовлекаемых в судопроизводство в той или иной роли. Уголовно-процессуальная, криминалистическая, криминологическая науки обсуждают многие психологические аспекты поведения субъектов процесса, но социальные поведенческие технологии как фактор, влияющий на реализацию всей уголовно-процессуальной деятельности, пока изучены явно недостаточно. Поэтому представляют интерес определения социальных технологий, которые вырабатываются другими, не юридическими науками. Например, Я. А. Маргулян определял социальную технологию как «последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которой каждый субъект, участвующий во взаимодействии, реализует собственную управленческую стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность. Она является одним из важнейших элементов механизма управления, призванным оптимизировать его и исключить все те операции, которые не являются необходимыми для получения социального результата» [3, с. 427].

На социально-политический аспект применения права С. С. Алексеев указывал еще в 1981 году [4, с. 20-21], но реальные единичные социологические исследования практики уголовного судопроизводства появились только в 2016 [5] и 2018 [6] годах. До настоящего времени социальные технологии, влияющие на уголовно-процессуальную деятельность, и в целом тема технологичности процессуальной деятельности, остаются без должного исследования. Ранее мы уже привлекали внимание к таким социальным технологиям, когда анализировали, например, вопрос о том, почему далеко не все обращения жертв преступного посягательства, вопреки требованиям ст. 140-141 УПК РФ, получают соответствующую регистрацию и становятся предметом процессуальной проверки [7]. Регулирование действий должностного лица, определенных ст.ст. 144-145 УПК РФ как правовая технология, нередко

входит в противоречие с социальными технологиями, направленными, например, на снижение социально-значимого показателя количества нераскрытых преступлений. Достаточно не зарегистрировать соответствующее обращение и показатель меняется в лучшую сторону. Нормативное требование регистрации каждого из обращений о совершенном или готовящемся преступлении входит в противоречие с социальными регуляторами. В социальных отношениях такими факторами выступают реальные возможности конкретных сотрудников правоохранительных органов учитывать индивидуальные особенности фактических обстоятельств преступления, предвидеть и прогнозировать возможные неблагоприятные последствия, предопределенные сложившимися социальными отношениями. Установленные формы статистического учета и использование их для оценки качества работы сотрудника и всего правоохранительного органа в целом способствуют формированию приоритета не правовых, а социальных технологий поведения. Под их влиянием формируется личностное целеполагание, когда следователь не хочет негативных оценок и упреков со стороны руководителя СО, а руководитель, в свою очередь, не хочет упреков в плохой работе со стороны вышестоящего руководства и т. д. Социально обусловленное стремление избежать ошибок и негативных последствий для себя лично порождает и своего рода «перестраховочные» социальные технологии. Например, из сопоставления ст. 145 и ст. 146 УПК РФ следует, что решение следователя о возбуждении уголовного дела не требует его согласования с руководителем СО. Он может и должен принять его самостоятельно по результатам проверки поступивших материалов о совершенном преступлении (ст. 146 УПК РФ). Однако в последние годы сложилась практика, т. е., по сути, социальная технология, неписанно предполагающая обязательность такого согласования. На первый взгляд, подобное дополнение правовой технологии, еще и социальной, может показаться полезным, но в перспективе это уже привело к существенному снижению процессуальной самостоятельности и социальной ответственности следователя за принимаемое решение. В сочетании с теми же статистическими показателями последующее прекращение дела тоже может порождать негативные социальные оценки работы следователя, поэтому, например, прекращение следователем уголовного дела по нереабилитирующим основаниям стало редкостью. Такие решения перекладываются на суд, что существенно отражается на нагрузке судей. Исследователи отмечают, что, по данным за 2023 год, судами первой инстанции рассмотрено более 700 тысяч уголовных дел, из которых 76,52 % составили дела о преступлениях небольшой или средней тяжести. Из них 86,48 % было прекращено по нереабилитирующим основаниям именно судами, при том, что такого рода основания, как правило, выявляются уже на стадии расследования и значительно технологичнее

было бы прекращать их, как только выявятся соответствующие основания [8].

Эти и многочисленные иные примеры применения социальных технологий как реальных регуляторов уголовного судопроизводства приобретают еще большее значение при переходе к высокотехнологичному праву, когда уже возможны и цифровые технологии. В современном уголовном судопроизводстве в дополнение и в сочетании с социальными начинают «изобретаться» цифровые технологии. Приведу пример из реальной практики. Следователь, решив использовать новые цифровые технологии, которые поощрялись руководством, применила цифровую видеозапись своих действий при предъявлении гр-ну Р. постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Действие осуществлялось в помещении следственного изолятора. Гр-ну Р. было объявлено о проведении видеозаписи, он не возражал, но просил обеспечить присутствие его защитника. Ему было отказано в этом, ввиду того что следователь приняла решение об отводе адвоката, с которым Р. заключил соглашение. Обвиняемому был предложен другой адвокат, который, узнав об имеющемся у Р. адвокате по соглашению, отказался от участия в предъявлении обвинения. Уже после предъявления, в конце процессуального действия пришел третий адвокат, но Р. отказался от его помощи, требуя обеспечить ему возможность участия его адвоката. Видеозапись предъявления обвинения была успешно осуществлена и приобщена на флеш-носителе к материалам дела. Впоследствии с ее помощью и были с очевидностью выявлены существенные нарушения процессуального закона, допущенные следователем. Увлечшись новой цифровой технологией, следователь полностью проигнорировала то, что никакая новая технология не может отменять технологию юридическую. Последняя императивно предписывает момент и процедуру предъявления обвинения, порядок взаимодействия следователя с обвиняемым и его защитником, права обвиняемого в данный момент расследования. Иными словами, законом сформирована совокупность технологически взаимосвязанных предписаний, включающих п. 9 ч. 4 ст. 47; п. 1 ч. 1 ст. 51 и ст. 172 УПК РФ, свидетельствующих об обязанности следователя всегда обеспечивать участие защитника, если обвиняемый от него не отказался ясно и недвусмысленно. Более того, предъявление обвинения должно иметь место тогда, когда следователь собрал достаточные для этого доказательства. Юридическая технология предписывает следователю также обязанность (бремя) не только доказывания обвинения, но еще и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Именно это требование не только обеспечивает презумпцию невиновности, но еще становится и технологически значимым требованием, обеспечивающим правильное и объективное установление фактических обстоятельств дела. Однако в данном деле следователь после

предъявления обвинения попыталась допросить Р., который в такой ситуации отказался от дачи показаний. После этого ему было объявлено об окончании расследования и предъявлении ему материалов дела для ознакомления. Следователь технологически лишила себя возможности получить показания обвиняемого, иметь время для производства необходимых действий для их проверки и возможного опровержения. Удивительно и другое. Этот факт стал предметом неоднократного обжалования, однако все проверяющие инстанции согласились с доводами следователя, ссылаясь на видеозапись, свидетельствующую о том, что неправомерных угроз и воздействия на обвиняемого не оказывалось. При рассмотрении жалоб даже не вспомнили, как минимум, требование юридической технологии (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) о том, что обвиняемый, кроме всего прочего, имеет право на конфиденциальное свидание с защитником до начала его допроса следователем. Такое свидание гарантирует ему разъяснение именно защитником и до того, как он будет отвечать на вопрос о признании себя виновным, и сути обвинения, и его возможных последствий, и всех иных неясных ему вопросов. Гр-н Р. был осужден 15 декабря 2021 года, отбыл значительную часть лишения свободы, назначенного ему судом, когда защита, проявив высокий профессионализм и настойчивость, дошла до Верховного Суда РФ: 21 декабря 2023 года приговор был отменен ввиду существенного нарушения процессуального закона при предъявлении обвинения и дело возвращено прокурору для устранения данного нарушения [9].

Как известно, цифровые технологии уже проникают в практику уголовного судопроизводства, в том числе и путем введения прогрессивных дополнений в УПК РФ. Так, безусловно, позитивным было признано разрешение вести в электронной форме аудиопротокол судебного заседания. Однако социальные технологии и тут вносят свои коррективы. Например, по одному из дел защитником было заявлено ходатайство о приобщении к делу материалов, позитивно характеризующих его подзащитного, однако суд отказал в удовлетворении этого ходатайства. Адвокат заявил возражения против действий председательствующего. Согласно ч. 3 ст. 243 УПК РФ такие заявления подлежат занесению в протокол судебного заседания, независимо от того, будут ли они приняты или отвергнуты председательствующим. По устному указанию председательствующего аудиопроотолирование на момент заявления возражений было просто остановлено. Только при ознакомлении с протоколом и аудиозаписью судебного заседания защитник обнаружил, что ни его ходатайство, ни его возражения по поводу неправомерного отказа вообще не нашли своего отражения в протоколе. Замечания на протокол и его аудиозапись также были в последующем отклонены судом.

Эти и им подобные примеры, которые уже накапливаются в реальной практике, убедительно показывают, что такое явление, как социальная технология, существует параллельно с юридической уголовно-процессуальной технологией, установленной законом, и они вполне могут быть согласованы с цифровыми технологиями. Причем практика не только применяет указанные технологии, но и постоянно изобретает новые. Например, сравнительно недавно появилась новая «социально-цифровая технология» привлечения лиц в качестве обвиняемых. Следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и в электронном виде отсылает его защитнику. Защитник знакомит с этим постановлением доверителя, получает возможность свободно и спокойно обсудить его с подзащитным, выработать позицию защиты по делу, после чего определяется, будут ли они соглашаться с обвинением или будут его оспаривать. Такая практика пока предпринимается по общему согласию участников по тем уголовным делам, в которых обвиняемый не оспаривает обвинение, ранее выразил согласие с подозрением, само обвинение не представляет особой сложности и степени опасности. Если участники соглашаются, следователь назначает день встречи с ними для оформления мнения обвиняемого относительно предъявляемого обвинения, подписания всех необходимых процессуальных документов и допроса лица в качестве обвиняемого. Конечно, такая практика удобна не только следователю, но и адвокату, и привлекаемому лицу. Но, строго говоря, она категорически противоречит порядку, установленному ст.ст. 172-174 УПК РФ. Очевидно, что в данном случае необходимо или незамедлительно пресекать ее, или срочно вносить коррективы в закон. Возможно, внести в указанные статьи дополнения, определив, в каких случаях такая технология может быть правомерной, а в каких случаях она должна признаваться существенным нарушением закона.

Цифровая технология в гармонично сбалансированном соотношении с юридической и социальной технологиями уголовного судопроизводства вполне может обеспечить производство по делу в электронном формате. В таком контексте цифровизация уголовного судопроизводства может создать существенные возможности для повышения скорости, качества, объективности осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Но без учета юридической и социальной технологий этой деятельности могут возникнуть и проявить себя столь же существенные риски. Поэтому при обсуждении и практических разработках цифровых программ для уголовного судопроизводства, а тем более при переходе на электронный формат уголовного судопроизводства, требуется объединение усилий как специалистов в области цифровизации, так и наиболее квалифицированных юристов: как практиков, так и теоретиков, которые хорошо знают, и также смогут предвидеть возможные в будущем риски и угрозы, что позволит найти варианты технической защиты и безопасности

уголовного судопроизводства в цифровом формате. При разработке текста правовых предписаний также следует учитывать все риски возможного искажения смысла норм права и самим правоприменителем, тем более искажений в понимании смысла правовой нормы искусственным интеллектом.

Задача соотнести правовую норму и частный случай уголовного судопроизводства может быть успешно выполнена ИИ только при наличии обширной базы фактических ситуаций, накопленных практикой за многие годы. Пока процессуальные документы, в том числе и приговоры, не дают такой информации. Господствующее значение в последние годы приобрела еще одна социальная практика. Она касается рекомендаций опытных практиков молодым специалистам, о том, что изложение процессуальных решений о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении и т. п. документах должно быть «преимущественно общими фразами без конкретизации». Это объясняется тем, что изложение фактической основы дела «в общих выражениях» весьма затрудняет защите возражения против необоснованного обвинения: нет конкретных фактов – не с чем спорить. Но при такой практике невозможно создать базу данных для ИИ. Например, что может извлечь ИИ из процессуального документа, содержащего такой фрагмент: «В неустановленное следствием время, но не позже (далее следует указание даты возбуждения уголовного дела), в неустановленном месте, при неустановленных обстоятельствах «Х» замышлял совершить мошенничество, направленное на завладение средствами «банка ООО» в особо крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору». В подобных текстах фактическое содержание имеют только фамилия фигуранта и название юридического лица. При этом обвинение, сформулированное только в юридических терминах и/или в такой неопределенной форме, как правило, совпадает с текстом правовой нормы, поэтому его невозможно оспорить даже квалифицированному адвокату. А программа ИИ не может быть построена на такого рода пустых обобщениях. Поэтому знание применяемых социальных технологий, соотнесение их с правовым регулированием юридической технологии обязательно должно быть составляющим элементом при подготовке любых цифровых программ, вводимых в уголовное судопроизводство как по частным вопросам и отдельным процессуальным действиям, так и при разработке общей программы формата электронного уголовного дела. Это еще более важно при разработке программ для использования в этой деятельности возможностей искусственного интеллекта. Поэтому при преобразовании уголовно-процессуального права в высокотехнологичное право потребуется более глубокое изучение, учет и органическое сочетание всех трех технологий: а) юридической технологии, в частности, уголовно-процессуальной в неразрывной связи с уголовно-правовой (как

минимум, в части точной и четкой артикуляции всех признаков каждого из составов преступления в их фактологическом проявлении, описании и признании судебной практикой); б) социальной технологии, с учетом постоянного развития и изменения социальных практик и форм взаимодействия между всеми субъектами уголовно-процессуальной деятельности и в) собственно цифровой технологии, применяемой для совершенствования отдельных процессуальных действий, их видов [10, с. 148-168] или производства по делу в отдельных стадиях или в целом при возможном переходе к цифровому уголовному судопроизводству.

Литература

1. Пржиленский В. И. Интеллектуальные технологии и социальные практики: конструирование реальности, цифровизация судопроизводства, регулирование генетических исследований: монография. М: Проспект, 2024. EDN: [ODDHGE](#).
2. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в двух томах. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982.
3. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я. А. Маргуляна. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010.
4. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в двух томах. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981.
5. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма, 2016.
6. Панях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. EDN: [VPLHSC](#).
7. Воскобитова Л. А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // Lex Russica. 2020. № 4. С. 53-69. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.161.4.053-068](#)
8. Кучеров Г. Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва, 2023.
9. Верховный Суд РФ, судебная коллегия по уголовным делам, кассационное определение по уголовному делу № 5-УД23-105-К2 от 21 декабря 2023 года.
10. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации: монография / отв. ред. Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. EDN: [EHRSHE](#).

References

1. Przhilensky V. I. *Intellectual technologies and social practices: constructing reality, digitalization of legal proceedings, regulation of genetic research*. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *General theory of law*. Course in two volumes. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.; 1982. (In Russ.).
3. Margulyan Ya. A. *Social technologies of society management: regional level*. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Management and Economics Publ.; 2010. (In Russ.).
4. Alekseev S. S. *General theory of law*. Course in two volumes. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.; 1981. (In Russ.).
5. Titaev K., Shklyaruk M. *The Russian investigator: vocation, profession, everyday life*. Moscow: Norma; 2016. (In Russ.).
6. Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. *Trajectory of criminal case: institutional analysis*. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ.; 2018. (In Russ.).
7. Voskobitova L. A. Digitalization of the initial stage of criminal proceedings as a necessary means of ensuring the rights of victims. *Lex Russica*. 2020; 4: 53-69. (In Russ.).
8. Kucherov G. N. *Termination of criminal proceedings and criminal prosecution on discretionary grounds*. Abstract of the dis. cand. of law. Moscow; 2023. (In Russ.).
9. The Supreme Court of the Russian Federation, Judicial Board for Criminal Cases, cassation ruling in criminal case 5-UD23-105-K2 dated 21.12.2023. (In Russ.).
10. Voskobitova L. A., Przhilensky V. I. *Criminal proceedings: transformation of theoretical concepts and regulation in the context of digitalization*. Moscow: Norm: INFRA-M; 2024. (In Russ.).

Информация об авторах

Воскобитова Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, e-mail: lavosk@mail.ru

Information about the authors

Voskobitova, Lidiya A. Doctor of Law, Professor, Professor at the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: lavosk@mail.ru

Для цитирования

Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как сочетание технологий // Журнал Высокотехнологичное право. – 2025. Т. 1, № 1. – С. 17-28.

For citation

Voskobitova L.A. Criminal proceedings as a combination of technologies // Journal of High-tech Law. – 2025. Vol. 1, No. 1. – Pp. 17-28.

Поступила в редакцию / Received 25.11.2025

Поступила после рецензирования / Received after review 01.12.2025

Принята к публикации / Accepted 03.12.2025